

The background of the entire page is a painting of an autumn balcony. In the foreground, a wooden table with a white tablecloth holds a vase of bright yellow flowers. A wooden chair is visible to the left. The balcony railing is made of light-colored wood. In the background, there are trees with vibrant autumn foliage in shades of yellow, orange, and red, set against a clear blue sky. The overall style is that of a classic oil painting.

ДАНИЛ СЕМЁНОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Данил Семёнов
Стихотворения

«Издательские решения»

Семёнов Д.

Стихотворения / Д. Семёнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857109-1

М. Кузмин в статье «О прекрасной ясности» (1910 г.) сформулировал следующую мысль: «Есть художники, несущие людям хаос, недоумевающий ужас и расщепленность своего духа, и есть другие — дарующие миру свою стройность». Данила Семёнова смело можно отнести к числу вторых, которые, по мысли Кузмина, «при равенстве таланта, выше и целительнее первых». Ирина Кадочникова.

ISBN 978-5-44-857109-1

© Семёнов Д.
© Издательские решения

Содержание

Урок гармонии	6
Рождение стихов	9
Первый стих	10
Кукловод	11
Зимняя сказка	13
Женский голос	14
Сумерки	15
Икона	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Стихотворения

Данил Семёнов

© Данил Семёнов, 2017

ISBN 978-5-4485-7109-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Урок гармонии

М. Кузмин в статье «О прекрасной ясности» (1910 г.) сформулировал следующую мысль: «Есть художники, несущие людям хаос, недоумевающий ужас и расщепленность своего духа, и есть другие – дарующие миру свою стройность».

Данила Семёнова смело можно отнести к числу вторых, которые, по мысли Кузмина, «при равенстве таланта, выше и целительнее первых».

Книга «Стихотворения» словно обманывает все ожидания современного читателя: в ней нет и намека на постмодернистскую поэтику или заумь; автор не экспериментирует с формой, не открывает принципиально новых для поэзии топосов и тем, очевидно следуя классической поэтической традиции, связанной для него, прежде всего, с именами И. Лиснянской, А. Ахматовой, А. Пушкина. Но при этом «простые, незатейливые строки» совсем не выглядят как анахронизм, поскольку имеют по-настоящему современное (точнее сказать – вневременное) звучание.

Магистральные темы книги – философские размышления о сущности человеческого бытия, о «времени и о том, что оно делает с человеком» (И. Бродский), об экзистенциальном одиночестве, о напряжённом поиске смысла жизни, о поиске самого себя и источников гармонии:

Даруй мне, жизнь, мгновенья бытия,
В которых бы душа могла согреться,
Постичь вопрос – а что такое «я»?
Иль просто отдышаться, оглядеться...

Один из сквозных образов «Стихотворений» – снег, который «идет бесконечную шалью / в городской засыпающей мгле», «идет без конца и без края», стирая город до холодной пустыни:

И в такие часы всё мерещится мне поневоле,
Словно мёрзлая пыль так и будет идти без конца,
Вместо города будет бескрайнее снежное поле —
Не отыщешь очаг, не узнаешь родного лица...

В этом, конечно, есть что-то блоковское. Снег у Д. Семёнова – метафора небытия, в которое всё обратится. Но трагичность мироощущения, связанная с обостренным чувством смерти, преодолевается спасительной мыслью о том, что на самом деле никто не умирает, а лишь возвращается в ту бесконечность, из которой он однажды возник:

Как хорошо, проснувшись утром летним,
И не войдя еще в пределы бытия,
Лениво думать, как плывут столетья,
И в них когда-нибудь вольётся жизнь твоя.

Выходом из экзистенциального одиночества становится чувство пантеистического слияния с мирозданием:

И только морозною зимнею ночью
Ты суть этой тайны, наверно, поймёшь,

Когда над собою увидишь воочию
Всего мироздания звёздный чертёж.

Реальностью станут былые преданья,
На миг остановится времени бег, —
И тысячи нитей всего мирозданья
С твоею судьбою сплетутся навек.

Лирический герой Д. Семёнова понимает мир как осуществление божественного замысла, а сверхзадачу человека – как постижение этого замысла. Умение видеть в земных явлениях знаки присутствия Абсолюта («создателя в созданыи», как об этом когда-то сказал В. Жуковский) умудряет героя, дарует ему счастливое осознание причастности к Сущему:

...Но всё ж
Пускай с годами не становимся мы краше, —
Мы познаем Божественный чертеж
И замысел нехитрой жизни нашей.

В центре «Стихотворений» – человек не только созерцающий, но и слушающий, и его слух обращен к тишине мира, в которой звучит особая музыка. На ней, собственно, и держится бытие:

Даруй мне, жизнь, минуты тишины,
Чтоб в этом неожиданном молчанье
По звуку отдаленному струны
Услышать твоей музыки звучанье.

При таком миропонимании закономерно, что в личной аксиологии героя (и автора) важное место занимает категория эстетического. Одним из воплощений красоты становится земная природа, противопоставленная энтропии, диссонансу, всецело отвечающая духовным исканиям лирического «я»:

И здесь, в тишине и гармонии леса,
Невольно душа к небесам воспарит,
Как будто уже начинается месса
И скоро незримый орган зазвучит.

И с нами во всем соглашаясь как будто,
Взирая на нас со своей высоты,
Плывут облака по небесным маршрутам,
Замедлив шаги от земной красоты.

Другое воплощение категории эстетического – искусство (стихотворения «Икона», «Музыка», «Читая Ахматову», «Амфора»), общение с которым понимается как «урок гармонии и вечной красоты», как единственный способ обрести «спасение души». При этом гибель прекрасного в условиях «глухой» и «слепой» реальности, от руки равнодушного человека переживается как глубоко личная трагедия:

Чтоб не падали люди на льду,

Дворник посыпал песком...
Так схоронили ночную звезду
В грязном снегу городском.

Философские, медитативные размышления о вневременном перемежаются напряженной рефлексией по поводу истории, эпохи – причем, не только современной, но и минувшей (стихотворения «Памяти жертв Холокоста», «Поэтам 30-х годов»), что позволяет говорить об авторе «Стихотворений» как о субъекте историко-культурной памяти:

«Пусть я сожжён – мой дух не угасает,
В сгоревшем сердце кровь ещё стучит!»
Но девушка меня не замечает,
Лишь на солдата с нежностью глядит.

«Ты не увидишь, девушка, меня,
Ведь я сегодня – летний шум деревьев,
Я – отблеск страшного военного огня,
Спалившего безжалостно евреев.

О, девушка, влюблённая в солдата!
Пусть я сегодня – ветер и зола,
Но знай, что я сгорел в печи когда-то,
Чтоб нынче ты счастливою была».

(«Памяти жертв Холокоста»)

«Стихотворения» Д. Семёнова – книга, наполненная глубокими, универсальными смыслами, способная найти отклик в душе и сознании каждого, поскольку в ней предлагается возможный выход из той экзистенциальной пустоты, чувство которой так знакомо современному человеку. Этот выход называется «уроком гармонии».

Ирина Кадочникова

Рождение стихов

(вместо предисловия)

Никто не знает, как стихи рождаются,
И вряд ли даст когда-нибудь ответ.
Господь ли в тот момент руки касается
Иль просто где-то виден яркий свет?

Быть может, в сердцевине алой розы
Сокрыт стихов нестойкий аромат?
Иль жёлтые осенние берёзы
Стихи тебе печально прошумят?

А может быть, стихи в пасхальном небе
Рождает перезвон колоколов,
Иль зимний деревенский запах хлеба
Найдёт в душе свою вязанку слов?

Стихи везде. Когда же их слагаешь
Помимо образов не видя ничего,
То словно зримой плотью облакаешь
Сердечного младенца своего.

И в мир ведёшь, распахнутый и новый,
Ни слёз, ни радости при этом не тая,
И сердце вновь откликнуться готово
На каждый миг земного бытия.

Первый стих

Мой самый юный, самый ранний стих
Был свеж и горек, как полынь-трава.
Срывались неумело с губ моих
Незрелые и терпкие слова.

Пускай он был нескладен и громоздок
И лишь усмешку вызывал у всех,
Но мне он был необходим, как свежий воздух,
Как посох – путнику и гордецу – успех.

Он был окном – старинным, запylённым,
Вкотором свет горел прожитых мною дней,
Где луч стиха стремился к потаённым,
Заветным уголкам души моей.

Мой самый юный стих – он был набатом,
Лекарством для тоскующей души,
И в сердце отозвался он раскатом —
Так гром ночной гремит в лесной глуши.

Мой стих был Гамлетом – скорбящим принцем Датским,
Являл времён связующую нить,
Он думать заставлял и сомневаться,
Искать ответа – «Быть или не быть»?

Мой первый стих был Ангелом Господним,
До встречи с ним я был и нем, и слеп, и глух,
А он в уста мои вложил язык особый
И подарил мне зрение и слух.

На месте встречи, на краю земного мира,
Меня молитвою очистив от греха,
Мне Ангел в руки дал настроенную лиру,
Необходимую для первого стиха.

Я до сих пор пишу стихотворения
И не хочу, чтоб голос мой утих,
Но, создавая каждое творение,
Я помню о тебе, мой первый стих.

Судьбою всем припасены свои причуды,
И пусть мне жизнь сулит немало троп крутых,
Но о тебе я никогда не позабуду,
Мой самый юный, самый ранний стих!

Кукловод

Театр кукол! Мир чудес и мир открытий!
Он затягивает, как водоворот.
Этот мир, всегда от нас сокрытый,
Сотворил когда-то старый кукловод.

Что за действие на сцене развернётся,
Что с героями сейчас произойдёт,
Как сюжет спектакля повернётся —
Знает лишь незримый кукловод.

Только он для кукольного мира
Вечный Дух, Начало и Конец,
И привычно исполняет роль кумира
Спрятанный от зрителей Творец.

Арлекин, Волшебница, Петрушка,
Звездочёты в чёрных колпаках —
Старые, привычные игрушки
В опытных натруженных руках.

Очень скоро драма здесь начнётся —
Будет сыграна несчастная любовь,
Исстрадавшееся сердце разобьётся,
И прольётся кукольная кровь...

Куклы так играют и страдают,
Что почти похожи на людей.
Зрители смеются и рыдают,
И доволен скрытый лицедей.

Занавес. Цветы, аплодисменты...
Появляется на сцене кукловод,
Принимает благосклонно комплименты,
Кукол на поклон своих ведёт...

А потом домой бредёт устало,
Опускается на город темнота...
В голове его звучат восторги зала,
А в душе — тоска и пустота.

Куклам некуда из театра торопиться —
Все они повисли на крючках,
Чтобы завтра снова очутиться
В опытных натруженных руках.

Чтобы завтра, двигаясь по сцене
С помощью верёвок и тростей,
Разыграть пред зрителем умело
Сцены человеческих страстей.

Зимняя сказка

Выйдя утром привычно из дома,
Сквозь морозную тишину
Я неспешно дорогой знакомой
Подхожу к дорогому окну.

Там сидит тёмно-серая кошка
И растения пышно цветут,
А ещё на заветном окошке...
Золотые лимоны растут!

Поначалу ты их не заметишь, —
Торопясь, можешь мимо пройти,
А потом, когда взглядом их встретишь,
То не сможешь уже отойти.

Позабыв про часы и минуты,
На морозе, ветру и снегу,
Всё люблюсь я маленьким чудом —
И никак отойти не могу.

Я в мечту в тот же миг уплываю
Сквозь морозную синеву.
На мгновенье глаза прикрываю, —
И, как будто бы наяву,

Вижу море и синее небо,
И сухой золотистый песок —
Там, где я никогда ещё не был,
Но приехать, наверно бы, смог.

Но, наверно, приехав на отдых
В экзотической жаркой стране
Буду я вспоминать о лимонах
На ижевском морозном окне.

Женский голос

*Светлой памяти
великой русской певицы
Надежды Андреевны Обуховой*

Женский голос чарует и манит,
В новый мир за собою влечёт,
Лаской томною сердце дурманит,
Устремляясь в волшебный полёт.

Голос стелется бархатом чёрным,
И, как жемчуг старинный, блестит,
Вдруг платком обернётся узорным
Или шёлком прошелестит...

В жаркий день, если хочешь напиться,
Голос жажду твою утолит,
То, как сказочная Жар-Птица,
Опереньем своим озарит.

Он – как дивная алая роза,
Что стоит в дорогом хрустале,
Как узор, что возник от мороза
На февральском оконном стекле.

Голос душу твою опьяняет,
Как волшебная южная ночь,
И бесследно душа пропадает,
И ничто ей не в силах помочь.

Голос будит уснувшие чувства,
Сердцу хочется снова любить...
Ради встреч с этим дивным искусством
Нам, наверно, и следует жить.

Сумерки

Опять на город сумерки спустились.
Я покидаю свой постылый дом,
Иду туда, где сердце звонко билось
И каждый закоулок был знаком.

На улицу, где счастлив был когда-то,
Когда любил тебя и жил одной тобой!
Никак душа не свыкнется с утратой,
Хотя тебя давно уж нет со мной...

По улице вечерней, оживлённой
Народ спешит весёлою гурьбой,
А я стою, в раздумья погружённый, —
Душа моя полна одной тобой.

Я погружаюсь в мир, давно забытый,
В котором призраки со мною говорят.
Я здесь один, от глаз людских сокрытый —
Со мною лишь вечерний снегопад.

И вдруг из снега возникает маска,
В которой вижу милые черты —
Как фея из забытой детской сказки,
Сквозь снег и время вновь приходишь ты.

Я слышу твоё лёгкое дыхание
И вижу сквозь метель знакомый взгляд,
Руки твоей я чувствую касание,
Волос вдыхаю позабытый аромат...

И я к тебе порывисто шагаю,
Хочу обнять, к груди своей прижать —
Чтоб ты не спряталась за этой снежной шалью,
Чтоб снова мне тебя не потерять!

Но вдруг зажёгся яркий свет в квартире —
И ты исчезла. Это снова – только снег...
И я опять один остался в мире —
Усталый одинокий человек.

Икона

В заброшенном доме, в забытой деревне
Нашёл я икону. Лишь только взглянул, —
Как сдвинулось время, раздвинулись стены,
И в прошлое я в ту минуту шагнул.

Как в фильме цветном, череда поколений
Предстала так живо пред очи мои,
Что в несколько кратких, но ярких мгновений
Узрел я историю целой семьи.

Я видел – справляла семья новоселье,
К накрытому гости сходились столу,
А старый хозяин в разгаре веселья
Икону прилаживал в красном углу.

Весною пушистые вербные слёзы
Её облачали в чудесный наряд,
А летом, на Троицу, ветки берёзы
Вставляла хозяйка в старинный оклад.

Жених и невеста её целовали,
Друг другу в любви вековечной клялись,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.